

Опубликовано 21 июля, 2016 - 13:19

Создана организация для борьбы с подделками русского искусства

Ажиотажный спрос на произведения русских художников первой половины XX века, начавшийся на ведущих мировых аукционах в 1990-х годах и особенно разгоревшийся в начале века нынешнего, породил и огромное количество фальшивок. Производство подделок некоторых авторов приняло буквально промышленные масштабы — количество поддельных работ, например, Наталии Гончаровой исчисляется сотнями. И очень скоро начались скандалы, связанные с продажами фальшивок: в 2005 году Виктор Вексельберг покупает на аукционе Christie's работу Бориса Кустодиева «Одалиска», скоро выясняется, что это подделка, и Вексельберг начинает судебную тяжбу с аукционным домом. В 2009 году разразился скандал на выставке Александры Экстер во Франции — все экспонаты выставки были объявлены поддельными. Только за последние три года по Франции и Германии прокатилась волна судебных процессов над изготовителями поддельных картин и мебели. В Санкт-Петербурге продолжается история с делом искусствоведа Елены Баснер, которая выступала одним из посредников при продаже поддельной работы Бориса Григорьева, сделанной с вещи, хранящейся в Русском музее. Совсем недавно в Москве закончился суд, потребовавший запретить распространение книги о творчестве Наталии Гончаровой, поскольку там использована репродукция поддельной картины. На фоне этих скандалов группа коллекционеров и специалистов из Великобритании и России создала некоммерческую организацию Russian Avant-Garde Research Project, которая ставит своей целью бороться с подделками русского искусства. Один из инициаторов этого — известный коллекционер и бизнесмен Петр Авен.

— Петр Олегович, почему, на ваш взгляд, сейчас так актуальна эта тема?

— Потому что торговля фальшивками — это не просто финансовое жульничество, это уничтожение культуры! Это понимают все профессиональные люди, именно поэтому наш проект уже получил поддержку не только у предпринимателей и коллекционеров, но и у ведущих европейских специалистов-искусствоведов, технологов. Почему, например, ни одну работу Марка Шагала нельзя выставить на аукцион без разрешения Фонда Шагала? Потому что он защищает его работы в том числе и от подделок. Мы хотим создать такую защиту и для других русских художников.

— Вы — владелец одной из самых крупных и значимых частных коллекций русского искусства. Вам часто приходится сталкиваться с подделками?

— Приходилось, особенно в начале собирательства, но я довольно быстро научился отличать подлинные вещи. У нас еще был аукционный дом «Альфа-арт», который принадлежал акционерам банка, через него я купил одну из подделок. Всего в своей жизни купил три фальшивки: одну, якобы Серебрякову, вернул, и мне вернули деньги, а две у меня висят до сих пор как память о моей глупости. В случае с аукционом вернуть деньги не смог, так как продавцы были анонимные, аукцион брал вещи — одна из них якобы Петрова-Водкина — на продажу на свой риск, я купил. Требовать деньги от собственной структуры? К тому же и сумма была небольшая. Еще у меня висит фальшивый Альтман — я его купил не на аукционе, деньги мне потом не вернули. Позже я разобрался, что фальшивка Альтмана —

компилятивная, составлена из трех его работ, покупал я ее с рекомендацией известного искусствоведа, тем не менее...

— Вам приходилось видеть в других коллекциях, на выставках фальшивки? И что вы при этом делали — молчали, громко заявляли о фальшивках? На процессе по делу Елены Баснер выступал один эксперт, который увидел фальшивку на выставке у Натальи Курниковой, но не сказал ей об этом...

— Всегда говорю, не боюсь, хотя многие молчат и боятся. Говорил это не только коллекционерам — устраивал скандалы в ЦДХ, устроил скандал в Англии на антикварном салоне, где одна дама продавала якобы Гончарову. Скандалил в Швейцарии в галерее, где тоже пытались продать якобы Гончарову и Ларионова. В ЦДХ я устраиваю скандалы из-за подделок на каждом салоне. В этом году вообще была дикая история: три стены картин — все фальшивки. Дама, которая это продавала и которой я указал на фальшивки, начала со мной спорить, показывать какие-то идиотские бумажки, якобы подтверждающие подлинность...

— Представляю, как вас ненавидят дилеры и галеристы...

— Некоторые — да, но зато мне перестали носить подделки. Хотя у меня была куда более сложная история с подделками — не с картинами, а с фарфором. У меня крупная коллекция советского фарфора. Так вот подделки фарфора очень распространены, их изготавливают за границей на очень высоком уровне очень профессиональные люди. В них труднее разобраться: чтобы определить подделку в фарфоре, надо обращаться к специалистам — определять технические характеристики, плотность массы, другие параметры... С этим я тоже поборолся: несколько раз, когда определял подделку, просто забирал вещь, не отдавал ее и не платил — и мне перестали приносить фарфоровые подделки. Пару раз в милицию отдавал — но милиция у нас такими делами не занимается.

— Вы, конечно, знаете, что подделка с оригинала картины из вашего собрания была продана через аукционный дом Буковски с благословения эксперта Елены Баснер? Я говорю о якобы работе Сапунова, которая оказалась подделкой картины Судейкина и которую приобрела галерист Мария Юсупова. Вас эта история как-то задела?

— Нет, потому что и так все знают, что подлинный Судейкин находится у меня, я его купил на *Sotheby's*. У меня дома все его видели, он есть в каталоге моей коллекции 2008 года.

Президент Альфа-банка Петр Авен и президент Российской академии художеств Зураб Церетели на церемонии открытия салона изящных искусств в галерее Зураба Церетели, 2004

— Вы не считаете, что история с этой подделкой нанесла какой-то урон вашей репутации?

— Репутации — нет, но моим интересам может быть нанесен ущерб, если подделки Судейкина примут промышленные масштабы, как это случилось с работами Гончаровой и Ларионова. Их делают сотнями. Кстати, мы сейчас в Москве добились запрета на книгу Партона о Гончаровой, в которой почти нет подлинных работ, будем добиваться ее запрета во всем мире. Добьемся запрета на книгу Дениз Базету о Гончаровой. Такой масштаб подделок — это уже плохо, потому что бьет по ценам на подлинные картины. Сейчас, к счастью, количество скандалов вокруг продажи фальшивок Ларионова и Гончаровой уменьшилось.

— Изготовители и торговцы легли на дно?

— Да, но, к сожалению, некоторые наши выдающиеся искусствоведы поучаствовали во всей этой истории, легализовав массу подделок.

— Одно дело — влияние на цены арт-рынка, другое — подделка музейных вещей, как это произошло в деле Баснер: ведь Елена Вениаминовна продавала Андрею Васильеву копию с музейной работы, которая никогда не покидала музейного хранения!

— Тут я полностью на стороне Васильева, уверен, что эта продажа — сознательная акция, не верю, что профессиональный человек мог вдруг совершенно забыть вещь, которую видел не один раз.

— Что делать в такой ситуации?

— С моей точки зрения, таких сознательно лгущих, с позволения сказать, искусствоведов нужно сажать.

— У нас посадили хоть одного искусствоведа?

— Нет, и это очень плохо, но это не моя работа. В последние годы, кстати, во Франции идут процессы над продавцами поддельной антикварной мебели, там их сажают. Во Франции продажа подделок — серьезное уголовное преступление. В Германии идет несколько крупных процессов, в частности, по делу галереи SNZ в Висбадене, в которой найдены 1700 подделок русского авангарда у различных дилеров. У нас, к сожалению, этим всерьез не занимаются.

— Елена Баснер и ее защита стояли на том, что искусствовед имеет право на ошибку...

— Меня никто не переубедит, весь мой опыт показывает: действительно профессиональный искусствовед не может забыть картину, с которой он когда-то работал. Искусствоведы высокого уровня не ошибаются, они могут на подлинное сказать — фальшивое, примеров наоборот я не знаю. Не знаю примеров, когда реально квалифицированные люди ошибались, если только это не было сделано намеренно. Забыть картину — так не бывает! Да и все материалы дела Баснер на это указывают. Искусствоведы, которые подписывают фальшивки, делают это сознательно — когда не дорожат репутацией. Мы все знали, кто в Третьяковке давал реальные экспертизы, а кто подписывал фальшивки. Я уже назвал имена экспертов Третьяковки Марии Валяевой и Иоланты Ломизе: когда на рынке появлялись работы с их подписями, все знали — это, скорее всего, фальшивка. А дело Васильева надо довести до Верховного суда, отступить нельзя.

— Как вы относитесь к тому, что музеи делают экспертизы для частных лиц?

— Не вижу в этом ничего плохого. Музей — солидная экспертная организация, если она серьезно относится к выдаче экспертиз — почему бы и нет?

— Но в случае ошибки кто должен отвечать — музей или эксперт?

— Нет, отвечать должен конкретный человек. Даже если экспертиза дается от имени музея, ее подписывают конкретные люди. Это как с Третьяковкой: экспертизы подписывали разные люди, но все знали, кто легализует фальшивки. Кстати, об ошибках, которые иногда случаются — и это нормально: когда я занимался советской живописью, купил работу якобы Самохвалова. Но это оказался не Самохвалов, о чем мне по телефону сказала искусствовед Татьяна Левина, которая сначала считала ее самохваловской. Сама работа замечательная, она полностью совпадает с эпохой, временем, краски совпадают, технологическая экспертиза подтвердила, что картина относится к периоду творчества Самохвалова, она 100% того времени, но автор неизвестен. Так что ошибка в атрибуции — это не продажа фальшивок, и Левиной я только благодарен.

— Организация, которую вы сейчас создаете, будет заниматься атрибуцией, проверкой провенанса русской живописи первой половины XX века?

— Мы для начала хотим сделать полную атрибуцию и проверку провенанса пока только по Гончаровой и Ларионову — это одни из наиболее часто подделываемых авторов. Так уж получилось, что у меня — самый хороший Ларионов, и подделки его работ бьют по моим интересам напрямую. Как и по интересам Александра Смузикова, выдающегося коллекционера, который собирает авангард, по Владимиру Некрасову. Мы хотим начать с

конкретных имен — Ларионова и Гончаровой, а дальше будем расширять список.

— Будете проверять провенанс?

— Будем делать всё, тотально: провенанс, химию, искусствоведческий анализ. Мы создаем для этого лаборатории, где это можно делать, собираем экспертов, которым можно доверять, банк данных, который почти готов. Дальше посмотрим — может быть, по результатам выпустим каталог-резюме... У нас два основных направления. Первое — искусствоведческо-архивное, мы уже начали работу с Третьяковкой, что стало возможным при новом руководстве. В нее входит полная оцифровка архива Наталии Гончаровой, то же сделаем с наследием Ларионова. Когда архив будет напечатан, он убьет многие подделки. Кураторы Третьяковки готовят большую академическую статью. Второе направление — технологические исследования. Проведем технологические исследования эталонных вещей, чтобы составить базу по материалам для дальнейшей работы с провенансом и атрибуцией, — изучим пигменты, связующие, холсты, картоны, подрамники, всё. С нами уже готовы сотрудничать некоторые крупные европейские музеи, многие европейские специалисты по русскому искусству.

— Но для этого надо привлечь музеи, где тоже есть работы Гончаровой и Ларионова. Вы будете работать с российскими музеями?

— Будем пытаться. Сейчас мы договорились с Третьяковкой, они позволят пользоваться их эталонными работами; у меня, кстати, нет сомнений в том, что у них все работы — подлинные, потому что они получили своих Гончарову и Ларионова от Томилиной, вдовы Ларионова.

— А Русский музей?

— Они за последние лет 50 не купили ни одной работы Гончаровой и Ларионова. К счастью, им советская власть не давала на это денег, что спасло их от фальшивок.

Автор

Наталья Шкуренок

Автор фотографии

Михаил Галустов / Коммерсантъ, Ирина Бужор / Коммерсантъ

Источник

<http://www.colta.ru>

Source URL:

<http://vspro.info/article/petr-aven-«soznatelno-igushchikh-iskusstvovedov-nado-sazhat»-0>